

Источники и литература

1. ГУТО ГАТ Ф. И-417, оп. 2, д. 2096, 2097.
2. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова. Тобольск : Губернская типография, 1911. 395 с. +табл.
3. МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 1-21, к. 1280; 73-4, к. 49, 63, 1975 г.
4. Первых С. Ю. Охота и рыболовство у татар Большереченского района // МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 1-10. 5 с.
5. Требтау И. Я. Основные хозяйственные занятия тарских татар в конце XX — начале XXI вв.: Вып. квалиф. работа. Омск, 2004. 126 л. // МАЭ ОмГУ. Ф. XIII. № 244.
6. Тихомирова М. Н. Полевые описи. Т-106, л. 18–19, 77 об. — 78, Т-107, л. 8 об., Т-108, л. 2–8 об.; Т-111, л. 32–34; Т-112, л. 15–16, Т-114, л. 38 об. — 41.
7. Карта общедоступных и закрепленных охотничьих угодий Омской области [электронный ресурс] // Карта охотника: Геопортал охотничьего хозяйства России. URL: <https://huntmap.ru/karta-oxotnichix-ugodij-omskoj-oblasti> (дата обращения: 13.10.2022).
8. Садыков Х. К. Малая моя родина — золотая колыбель: из истории бухарцев Тарского уезда: в II ч. Ч. 1: Воспоминания, размышления о Яланкуле и земляках. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. 416 с.
9. Мягков Д. А. Очерки истории присваивающего хозяйства барабинских татар. Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2008. 156 с.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-262-267

УДК 904

С. С. Тихонов

Устные сведения и картографические материалы о дорогах XVIII в. и о заселении Среднего Притомья

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены возможности изучения процесса заселения русскими старожилами свободных земель Среднего Притомья на границе Кузнецкого и Томского дистриктов (север современного Крапивинского района Кемеровской области). Для этого автор использует имеющиеся в его распоряжении устные предания о дорогах от Кузнецкой крепости до Мунгатского острога и об основании русских старожильческих деревень. Эти сведения дополняет карта, созданная геодезистом П. Г. Чичаговым в 1720–1729 гг. **Ключевые слова:** среднее Притомье, русские старожилы, устная история, картографические материалы.

Введение. В 1980–2000-е гг. автором в Крапивинском районе Кемеровской области были получены материалы о некоторых сюжетах заселения русскими левобережного участка Томи от устья Мунгата до устья Уньги (левые притоки Томи) и о дорогах, по которым крестьяне,

приписанные к Кузнецкой крепости, прошли к новому месту жительства. Кроме устных сведений, полученных от старожилов, в распоряжении автора не было иных сведений о процессе заселения описываемой территории в первой трети XVIII в. Однако, это не помешало ему поставить вопрос о возможности изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) Среднего Притомья [1, с. 133–136; 2, с. 133–138]. Проблема глубины исторической памяти и достоверности устных сведений была рассмотрена совокупно по данным о притомских челдонах и тарских старожилах (Тарский район Омской области) [3, с. 409–410; 4, с. 33–37; 5, с. 270–273].

Обсуждение. Недавно материалы устной истории нашли подтверждение в картографических материалах начала XVIII в. В 2021 г. И. В. Ковтун опубликовал карту, составленную в 1720–1729-е гг. геодезистом Петром Гавриловичем Чичаговым [6, с. 177]. Ученый сообщил, что она была тайно вывезена во Францию академиком Петербургской академии наук (и членом многих европейских академий), известным астрономом и картографом Жозефом-Николя Делилем в 1747 г., за что тот получил изрядное вознаграждение. Историк А. А. Пьянзин обнаружил на интернет-ресурсе Национальной библиотеки Франции эту карту, и она «...была в полном объеме репатрирована с интернет-ресурса... и вернулась в российский научный оборот...» [6, с. 176].

На опубликованную карту был нанесен юго-восточной участок Западной Сибири от Томска до Кузнецка и показано практически все течение Томи, ее крупные притоки, верхнее течение р. Иня (правый приток Оби), среднее течение р. Кия (левый приток Чулыма), населенные пункты, расположенные на указанных реках, а также дороги между ними. Большая часть топонимов и гидронимов сохранилась до наших дней. В целом карта П. Г. Чичагова легко сопоставима с современными, хотя некоторые неточности в ней, конечно, есть. Например, неверно указано расположение д. Лачиново на левом берегу Томи, несколько иначе показано течение рек, отчасти искажены пропорции карты, отсутствует масштаб, указание на север, градусная сетка. Но это не снижает ценности карты. Мы же рассмотрим ее небольшую часть от Кузнецка до Мунгатского станца (острога) (рис. 1).

Судя по карте П. Г. Чичагова, основная дорога от Кузнецка до Томска начиналась от с. Ильинского немного севернее Кузнецка, шла до д. Терентьевой, откуда поворачивала к востоку и шла на Бачаты, Колтырак, Изылинскую, что в устье р. Изыла (левый приток Ини), затем поворачивала на север, и шла к р. Поперечная, близ устья которой сейчас стоит город Юрга. Далее дорога шла почти прямо на север к Томску сначала по левому, а потом по правому берегу Томи. Отметим, что

дорога сначала шла по населенным местам в предгорьях Салаира, пересекала безлюдную степь в ее самом узком месте (от Изылы до устья Поперечной) и затем продолжалась вдоль Томи по населенным местам.

От д. Терентьевой была еще одна дорога, ведущая к деревням Ковалова и Каракан в верховьях Ини. Откуда можно было добраться до д. Меретская (современная Мереть), и уже там начиналась прямая дорога до Мунгатского станца, шедшая через верховья р. Южная Уньга примерно через место расположения современной д. Борисово. Об этом участке дороги есть устные сведения*:

«От Борисова до Крапивино (находилось в 2 верстах от Острога, по-другому – Мунгата, как до 1930-х гг. называли Мунгатский станец. – С. Т.) зимой до революции купцы (Алмаскин и Ременников – купцы третьей гильдии, имевшие в Крапивино лавки), да и другие, лошадей взапуски пускали, кто первый придет. Парнишек садили, потому что коню легче было. С дороги они никуда не свернут, одна была прямая, да и снегу много»;

«Иня, Уньга (Южная. – С. Т.) и Мунгат (левый приток Томи, впадает в нее в 2 км выше Острога. – С. Т.) с горы Елбак начинаются. До нее от Крапивино по Мунгату можно ехать до Чумашкино, а оттуда на Салаир. А там через маленькую таежку, и уже Алтайский край (выходили в него в районе современного Заринска, ныне районный центр Алтайского края. – С. Т.). Туда точила везли продавать или на хлеб меняли. Дед вот твой ездил. Потом оттуда в тридцатых годах кулаки приехали, бежали от раскулачивания. А потом их и в Крапивино раскулачили. А которые через Борисово ехали, но уже в Новокузнецк».

«Они (крестьяне – С. Т.) от Кузнецка убежали, земли там не хватало, и вот эти деревни поставили (Банново, Березово, Березоваярка. – С. Т.), потом Крапивино. Мать говорила, что там сначала рыбак Крапивин жил, а другие сказывали, что лекарь. А шли тайгой через верховья Ини на Мунгат. А тут никто до них не жил».

Полагаю, что фактически на карте показан, а в устных рассказах отчасти описан один и тот же путь от Кузнецка до Мунгатского станца. Интересно, что некоторые фамилии служилых людей (Тихоновы, Тузовские, Шабалины), проживавших в деревнях севернее Кузнецка встречаются в Крапивино (7, с. 853–854, 874–875, 952–953).

Заключение. Наличие дорог, указанных на карте П. Г. Чичагова и упомянутых в устных рассказах сюжетах о заселении рассматриваемого района, позволяет сделать несколько заключений, конечно же, требующих дальнейшей проверки:

* Материалы не опубликованы и хранятся в личном архиве автора.

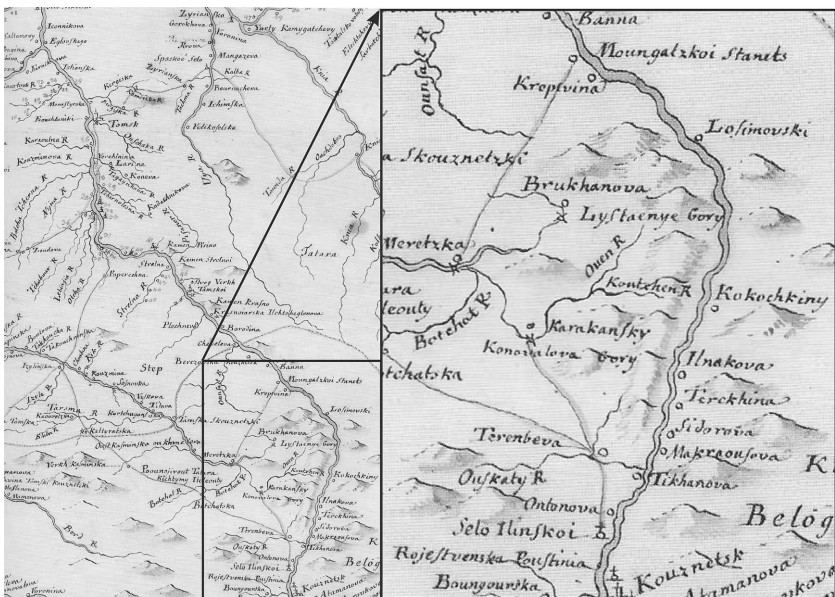

Рис. 1. Карта, составленная П. Г. Чичаговым в 1720–1729 гг., и ее увеличенный фрагмент.

- по ранее изученным устным преданиям было предположено, что их достоверность уменьшается с течением времени, и начиная с четвертого поколения может становиться все более и более легендарным. Однако в случае фиксации значимых событий наподобие переселений глубина исторической памяти может увеличиться;
- дороги и система расселения – весьма устойчивые феномены культуры, формирующиеся в течение значительных хронологических периодов, и как компоненты ЭАК [8, с. 115–119] могут (и должны!) быть изучены на основании изучения источников разного происхождения;
- если верно положение о том, что переселенцы стремились попасть в сходные природно-географические условия, то можно предполагать, что на границы дистриктов переселились служилые из деревень, расположенных непосредственно на Томи ниже Кузнецка (Сидорова, Мокроусова, Антонова, Терехина);
- попытка собрать новые устные сведения об истории от старожилов не удалась, так как информаторы довоенных годов рождения отговаривались, что «уже плохо помню», «да ты сам лучше меня знаешь», «а че, тебе рази дед не сказывал» и т. п. Более молодые

сельчане говорили, что «это деды знали, а мы не интересовались», «нам ни к чему было», и сами расспрашивали меня о старине. Т. е. устная традиция о первых десятилетиях существования старожильческих деревень размывается, и ее начинает заменять краеведческая литература [9];

- рассматриваемый сюжет в очередной раз подтвердил, что база для современной культуры населения Сибири закладывалась в XVII–XVIII вв. [10], и это может быть одним из методологических оснований проведения мультидисциплинарных исследований, в том числе и изучения этноархеологических комплексов.

S. S. Tikhonov

Oral information and cartographic materials about the roads of the 18th century and about of settlement of the Middle Tom region

Omsk laboratory of archaeology, ethnography and museology Institute of archaeology and ethnography of SB RAS, Omsk, Russian Federation

Annotation. The article considers the possibilities of studying the process of settling by Russian old-timers of the free lands of the Middle Tom region on the border of the Kuznetsk and Tomsk districts (the north of the part of Krapivino district of the Kemerovo region). For this, the author uses the oral traditions at his disposal about the roads from the Kuznetsk fortress to the Mungatsky prison, and foundation of russian old-timers countries. This information is supplemented by a map created by the surveyor P. G. Chichagov in 1720–1729.

Keywords: *Middle Tom region, Russian old-timers, oral history, cartographic materials*

Источники и литература

1. Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 3 (97). С. 133–136.
2. Тихонов С. С. Художник В. Д. Вучечевич-Сибирский и глубина исторической памяти народа // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея: сб. науч. тр. Омск: ОГИК-Музей, 2012. № 17. С. 133–138.
3. Тихонов С. С. К вопросу о микропонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения: сб. науч. тр. Омск: ОГИК музей, 2015. С. 409–410.
4. Тихонов С. С. О глубине памяти жителей Сибири // Народная культура Сибири: материалы XXV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Омский гос. пед. ун-т. 2017. С. 33–37.
5. Тихонов С. С. Об устной истории Гражданской войны и глубине народной памяти // Социально-политические кризисы в истории России: материалы Всерос. науч. конф. Шадринский гос. пед. ун-т. Шадринск: ШГПУ, 2018. С. 270–273.
6. Ковтун И. В. Наскальное искусство Кузбасса. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 416 с.

7. Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII в.: энциклопедический словарь. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1006 с.
8. Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Введение в этноархеологию: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Изд. дом «Наука», 2009. Т. 11. С. 79–125.
9. Живем Крапивинской судьбой: Очерки истории Крапивинского района. Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. 480 с.
10. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов, С. С. Тихонов, К. Н. Тихомиров, М. А. Корусенко, Е. Ю. Смирнова. Омск: Изд. дом «Наука», 2005. 268 с.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-267-276

УДК 94 (575.1)

Ю. Н. Цыряпкина

Национальная политика в суверенном Узбекистане: идеология, стратегии и практики реализации

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы, стратегии и практики реализации национальной политики Республики Узбекистан. Показано, что основным содержанием идеологии суверенного государства стали процессы «национального возрождения», в рамках которых выделялись следующие аспекты: признание узбекского языка государственным, критика наследия Российской империи и СССР, латинизация узбекского алфавита, десоветизация общественного пространства и др. В статье доказывается, что процесс формирования национальной идеологии в Узбекистане оказался консервативным по сложившимся еще в советское время практикам: светский характер государства, ислам оставался в сфере бытовой культуры, деятельность национально-культурных объединений и формирование толерантного общества. При этом суверенизация запустила процессы ретрадиционализации, основное содержание которой совпало с советскими ценностями (коллективизм, патернализм). **Ключевые слова:** *Узбекистан, национальная политика, традиционализм, светский характер государства, толерантность.*

Суверенизация и формирование национального курса Республики Узбекистан в период независимости тесно связаны и обусловлены политическими процессами в позднесоветский период, главными из которых стало усиление политического контроля Москвы в 1980-е гг., инициированное прокурорскими проверками из Центра («хлопковое дело»). В период гласности и плюрализма с 1987 г. в Узбекской ССР началась консолидация местных политических элит и их дистанцирование от союзного центра [1, с. 59], что спровоцировало усиление антисоветских настроений [2]. Взрыв национального самосознания и осо-